



**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

КОМАНДА ЛИКВИДАТОРОВ

Морской спецназ

Валерий Роцин

Команда ликвидаторов

«ЭКСМО»

2011

Рощин В. Г.

Команда ликвидаторов / В. Г. Рощин — «Эксмо»,
2011 — (Морской спецназ)

Командир отряда боевых пловцов Евгений Черенков получает новое задание. Под видом простого матроса пассажирского лайнера он должен прибыть в заданный квадрат, прыгнуть за борт и вплавь добраться до города Сплит. У пирса его будет ждать наш агент-разведчик, которого Черенкову надлежит доставить на борт лайнера. Задание технически не сложное. Но все вдруг пошло наперекосяк. На пирсе началась стрельба, и агент-разведчик неожиданно приказал Черенкову переправить на лайнер вместо себя едва живую незнакомую девушку...

© Рощин В. Г., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Часть I | 5 |
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 12 |
| Глава 3 | 17 |
| Глава 4 | 22 |
| Глава 5 | 25 |
| Глава 6 | 31 |
| Глава 7 | 34 |
| Часть II | 36 |
| Глава 1 | 36 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

Валерий Роцин

Команда ликвидаторов

Часть I

ПОСЫЛКА ИЗ СПЛИТА

Глава 1

Хорватия; южный порт Сплита

11 августа

– Не-е-е, все-таки хоккей – классная игра! – довольно ржет мой местный шеф Егор Иванович, в пятый раз просматривая запись прошлогоднего хоккейного матча. – Вот попробуй в другом месте кого-нить треснуть дрыном по башке – сразу от трех до пяти схлопочешь. А тут всего две минуты!..

Егор Иванович – спортивный фанат, в целом нормальный мужик, а по совместительству старший механик круизного судна «Sea Dream». Мы сидим в моей каюте у письменного стола. Он глядит в экран небольшой телевизионной панели, а я собираюсь с мыслями перед стартом важной операции. Накануне погружения я не пью ничего крепче индийского чая, поэтому на столе стаканы с ароматным горячим напитком; рядом пара плиток шоколада и полпачки печенья. Над столом, рядом с открытым иллюминатором, прилеплен скотчем знаменитый фото-портрет Эйнштейна, показавшего всему миру свой гениальный язык.

– Ну что, готов? – спрашивает стармех, оторвавшись от матча.

Гляжу на часы...

Ночь. Двадцать минут первого. Пожалуй, в самый раз.

– Команда отдыхает?

– А то! Все, кроме стояночной вахты, давно дрыхнут.

– Пошли...

Мы бесшумно покидаем мою каюту и направляемся к трапу, ведущему вниз. Иваныч насвистывает любимую песенку и уверенно шествует первым, я стараюсь не отставать.

За одним трапом следует другой, третий, четвертый...

Вот и нужный коридорчик ниже уровня ватерлинии. Здесь в это время тихо и безлюдно. Разве что крысы – завсегдатаи трюмной территории – мечутся черными тенями, слышав наши шаги.

Мы у цели. Цель – невзрачная металлическая дверца. Хрустят детали замка, скрипят мощные петли.

– Надо бы их смазать, – ворчит старший механик.

Заходим.

Щелчок выключателя, и пара ламп за матовыми плафонами освещает желтоватым светом небольшой отсек. Перед нами узкий проход, рассекающий помещение на две равные части. Слева и справа в железной палубе устроены два люка, наглухо запечатанные тяжелыми крышками. Возле каждого имеются изогнутые перила, сваренные из толстой арматуры.

На самом деле мы находимся над огромной цистерной, попасть в которую возможно только через эти люки. А герметичные крышки способны выдержать удары огромной массы воды, беснующейся внутри цистерны при штормовой качке.

Заперев входную дверь, Иваныч по-хозяйски подходит к дальней стенке, и поддев отверткой металлический лист, просовывает внутрь руку. Что-то покрутив, снимает лист со своего места и аккуратно ставит в сторонке. В образовавшейся неглубокой нише хранится моя снаряга: легкий гидрокостюм, полнолицевая маска, ласты, подвесная система, пистолет; внизу стоят два готовых к работе ребризера. В общем, все, кроме сделанного на заказ ножа, который я почти всегда таскаю с собой закрепленным ремешками на голени.

Время дорого, и я сразу начинаю переодеваться. Старший механик помогает...

Господи, до чего же я не люблю процедуру выхода наружу через торпедный аппарат! Лежишь на спине внутри жутко тесной трубы, похожей на холодную темную могилку, и считаешь минуты до обретения свободы. Плечи упираются в железо; кишка довольно длинная, но назад путь отрезан – крышка наглухо закрывается морячками-подводниками, а вперед лучше до поры не соваться. Внешняя «дверь», отделяющая «могилку» от бескрайней морской пучины, откроется лишь после заполнения аппарата водой и выравнивания внутреннего и забортного давления. Щелчок клапана, и соленая водица быстро заполняет замкнутое пространство. Ты в это время уже вдыхаешь воздух из баллонов ребризера, включаешь фонарь, прислушиваешься к шелесту мягко работающих механизмов...

В общем, покидать подлодку через штатный торпедный аппарат неприятно и муторно, но относительно просто. Или так скажем: привычно.

А теперь представьте, что эта чертова труба (в нашем случае именно укороченная труба для шлюзования, а не полноценный торпедный аппарат) с набором клапанов и герметичными крышками установлена не в носовом отсеке субмарины, а хитро спрятана в чреве обычного гражданского судна. Ниже ватерлинии, но не там, где ее непременно заметит опытный сотрудник пограничной или таможенной службы, – в машинном отделении, в погребке или холодильной камере. Нет, она спрятана в самом низу – в цистерне с пресной водой. Да-да, вы не ослышались – в громадном танке с пресной водой для технических нужд экипажа.

«Для чего все эти сложности?» – спросите вы.

Для того, чтобы незаметно покидать судно, стоящее у причала в иностранном порту. Покидать, а иногда, выполнив определенную задачу, возвращаться.

* * *

Постепенно устроенная в борту секретная ниша пустеет, и в ее глубине становятся видны вентили управления клапанами бывшего торпедного аппарата, а также кнопки электрического открытия и закрытия крышек шлюза.

– Ну, как? – шепотом интересуется Егор Иваныч.

– Нормально. Нижнюю лямку затяни потуже. Еще... Отлично.

– Держи, – подает он нож с фонарем.

Цепляю их к ремням и в последний раз проверяю снаряжение. Увы, профессионального командира спуска нет, и приходится все контролировать самому.

Киваю:

– Порядок.

На что стармех молча подходит к одному из люков, отвинчивает мощные запорные гайки и поднимает крышку.

Повесив на ремень ласты (их я надену позже) и взявшись за перила, осторожно нащупываю ногой первую перекладину металлической лестницы. Она устроена внутри цистерны и предназначена для тех матросов, что изредка моют чрево громадной емкости.

– Мля! – ругаюсь, едва не поскользнувшись. – Иваныч, тут на ступеньках какая-то слизь! Как вы пользуетесь этой водой?!

– Нормально пользуемся, – подает он через люк второй дыхательный аппарат и навигационную панель. – Она ж техническая – для мытья овощей и посуды, для душа...

– Хочешь сказать, что в танке для питьевой воды чище?

Стармех ржет:

– А кто ж его знает?! Я туды не лазил...

Понятно. Все по-нашему.

Напяливаю маску, проверяю ребризер, включаю фонарь и погружаюсь в воду. Луч быстро находит в относительно чистой воде открытую выпуклую крышку. Пихаю в жерло второй ребризера с панелью, следом сам втискиваюсь в тесное пространство.

Все, я внутри пятиметровой трубы-шлюза.

Выключаю фонарь и дважды стучу его крепкой тыльной частью по железу. Это сигнал для Иваныча. Услышав его, он должен закрыть внутреннюю крышку шлюза и открыть внешнюю.

Жду...

Что ж, настала пора представиться.

Евгений Арнольдович Черенков. Капитан второго ранга, командир особого отряда боевых пловцов «Фрегат-22», находящегося в прямом подчинении руководителя одного из важнейших Департаментов Федеральной службы безопасности.

Все пловцы из «Фрегата» – особенная «каста» великолепно подготовленных бойцов подводного спецназа. Почему «каста»? А потому что нас мало. То есть очень мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений. Да и методика нашей подготовки являет собой тайну за семью печатями. Когда-то первым советским пловцам приходилось учиться у итальянцев и англичан, а сейчас эти ребята не прочь позаимствовать кое-что из нашего опыта.

Скоро мне стукнет тридцать шесть, а я до сих пор выдерживаю тяжелейшие психофизические нагрузки боевого пловца. Если бы мне довелось служить в рядах американских «тюленей» и выполнять задачи «Нэйви специал», то последние года три-четыре я лежал бы на диване, поплеывал в потолок, пил маленькими глотками виски со льдом и вспоминал хронологию боевых операций. При удачном для меня раскладе остался бы в строю с нашивками советника (инструктора) центра подготовки командос, школы боевых пловцов или рукопашного боя. У них ведь там все делается по науке, а нами руководит голый энтузиазм.

До поры я очень миролюбив – врагов у меня практически нет. Ну, если не брать в расчет силы быстрого реагирования НАТО, если забыть о длинном списке фамилий из журнала «Форбс» и не обращать внимания на эскапады паспортистки из ЖЭКа.

* * *

Крышка позади меня беззвучно закрывается. Я понимаю это по исчезновению бликов на внутренней поверхности трубы и по тихому шипению – старший механик выравнивает шлюзовое давление с забортным.

Два негромких удара. Ага, значит, сейчас меня выпустят на свободу. Наконец-то.

Включаю фонарь. Так и есть – тупичок вдруг ожил и стал отдаляться.

Пора выбираться.

Для пущей скрытности выход с «Sea Dream» оборудован не на плоскости корпуса, а внутри переднего подруливающего устройства.

Вы в курсе, что представляет собой «подруливающее устройство» современного судна? Это тоже труба, но довольно большого диаметра; у того же «Sea Dream» – под два метра. Труба вварена поперек носовой части и с виду напоминает огромную сквозную дыру – будто след от исполинской торпеды, проткнувшей корпус. В середине этой дыры установлен гребной винт, способный вращаться в обе стороны и создавать тягу влево или вправо относительно осевой

линии корабля. Данное устройство значительно облегчает задачи маневрирования в проливах и узкостях, подхода к причалу и швартовки.

Итак, крышка открыта. Вытаскиваю наружу второй дыхательный аппарат и выхожу сам. До края подруливающего устройства далековато – метра четыре, поэтому мой фонарь пока включен. Вообще-то с источником света нужно быть поаккуратнее – сейчас за бортом глубокая ночь, море в бухте портового хорватского города спокойно. Потому любое светлое пятно, пляшущее на глубине у борта судна под российским флагом, вызовет нездоровое любопытство местных пограничников или полиции.

Цепляю на ноги ласты, проверяю давление в баллонах и засекаю время.

Пора. Погасив источник света, выскальзываю из огромной трубы. Затем включаю навигационно-поисковую панель, нажатием кнопки ставлю первую метку в центре экрана. Панель запоминает данную точку и после выполнения задания укажет кратчайший путь для возвращения.

Несколько секунд уходит на то, чтобы окончательно «сориентироваться на местности» при помощи данных гидролокатора кругового обзора. Ага, вот бетонный причал, к которому накрепко привязан швартовыми канатами «Sea Dream». От него надлежит двигаться строго на запад, пересекая «ворота» портовой акватории Сплита. Плыть довольно далеко – метров семьсот-восемьсот. Впрочем, такая дистанция меня не страшит – доводилось преодолевать и гораздо большие. Страшит другое: осилит ли ее тот человек, что должен войти в воду в нужном месте и в точно назначенное время?..

Я занимался любимым делом почти всю сознательную жизнь. В далеком детстве мама трижды в неделю приводила меня за ручку к огромному строению городского бассейна и сдавала под опеку тренеру – поджарому и добродушному Вениамину Васильевичу, так и оставшемуся на всю жизнь непререкаемым и самым большим авторитетом. Он-то и привил мне любовь к подводному плаванию. Повзрослев на пяток лет, став повыше и покрепче, я уговорил его взять меня к морю, где к простенькому снаряжению добавился акваланг. С тех пор я заболел морем. И стал неизменным спутником Вениамина Васильевича в глубоководном дайвинге. Вот так постепенно легкое увлечение переросло в серьезную спортивную карьеру. Со временем я превратился в сильнейшего пловца нашей секции: показывал лучшие результаты, побеждал на различных чемпионатах и кубках.

Не могу сказать точно, когда и где меня заметили люди из Комитета государственной безопасности. Но в аккурат к окончанию средней школы из «конторы» поступило заманчивое предложение, и вскоре я без вступительных экзаменов был зачислен в Питерское высшее военно-морское училище. Там ровно два года привыкал к дисциплине, постигал флотские азы с практикой на кораблях и подводных лодках.

Комитет госбезопасности в то время реформировался и менял вывеску: КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов в нашей стране был принят Закон «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации», на основании которого ФСБ становилась правопреемницей ФСК.

Прошло еще два года напряженной и кропотливой подготовки, прежде чем я был допущен до Государственного экзамена. К слову, с первого раза этот экзамен посчастливилось сдать только пятерым, включая меня. Вскоре я получил диплом с лейтенантскими погонами и был направлен стажером во «Фрегат-22».

Таким вот незатейливым образом спорт и хобби стремительно переросли в дело всей моей дальнейшей жизни.

* * *

Экономно расходуя силы, плыву строго на запад. Изредка посматриваю на экран навигационной панели и на светящийся циферблат часов...

Внешняя (южная) километровая бухта Сплита неплохо защищена от волн Адриатики двумя большими островами. Тем не менее наличествует и рукотворная защита в виде двух длинных молов. Восточный мол прямой, как стрела, и длинный – ровно полкилометра; параллельно он исполняет роль пирса для больших круизных судов. На его оконечности торчит невысокий зеленый маяк, обозначающий геометрическую середину бухты. Западный мол менее внушителен – изогнувшись, он прикрывает от ветра стоянку маломерных катеров и яхт. К его основанию мне и надлежит попасть, проплыв под водой около восьмисот метров.

Добравшись до края каменного мола, освещаемого равномерными вспышками маяка, решаю на пару секунд всплыть и осмотреться. Дело рискованное, однако двигаться через оживленные «ворота» бухты вслепую еще более безрассудно.

Приглушив голубоватый экран панели, устремляюсь к поверхности. Осторожно высовываю из воды голову, гляжу по сторонам. Ага, курс выдерживаю правильный – больших судов на входе-выходе нет. Можно двигаться дальше...

Добравшись до середины «ворот», слышу шум двигателя. Направление на источник звука под водой определить невероятно трудно, поэтому останавливаюсь и верчу головой. Главное, чтоб шумело не слишком большое судно – я выдерживаю глубину в четыре-пять метров, и проход надо мною маломерных моторных судов не страшен. Через пару минут над головой неспешно проплывает темное продолговатое пятно. Скорость и водоизмещение невелики – волны даже не побеспокоили мое тело. Продолжаю путь...

Ровно в два часа сорок минут я на месте – у крайнего изгиба западного мола. Если мне не изменяет память (перед стартом операции начальство знакомило с фотографиями), на этом изгибе расположена парочка каких-то зданий, примыкающая асфальтовая дорога с «материка» и небольшая стоянка на пару десятков легковых автомобилей. Сюда и должен прибыть мой клиент.

Выключаю панель и аккуратно всплываю метрах в семидесяти от мола. Подо мной приличная глубина, и при ахтунге я исчезну в пучине так, что не найдет ни одна полицейская собака.

Вглядываюсь в слабо освещенную местность. Никого.

Неизвестно, сколько предстоит ждать, поэтому экономлю дыхательную смесь: перекрываю вентиль баллонов и сдвигаю на лоб маску.

С моря дует слабый ветерок, разгоняющий мелкую волну; вода на удивление теплая. Север и восток озарены золотыми огнями ночного Сплита; город перемигивается неоновой рекламой и гирляндами, словно объявляя о готовности к очередному жаркому дню. Юг и запад – сплошная цепочка далеких белых россыпей. Это огни городков и селений трех огромных островов: Чиово, Шолта и Брач. В общем, все замечательно, кроме одного – клиент задерживается...

Теперь, думаю, не мешало бы прояснить суть полученного мной задания.

О моем истинном лице, а также о наличии тайного шлюза в цистерне с пресной водой на судне знают двое: шестидесятилетний капитан Горский и старший механик Егор Иванович. Остальное предельно просто: с помощью «конторы» я устроился в команду круизного судна, доехал с комфортом до заданной точки, темной ночью напялил снарягу и в означенный час доплыл до условленного места, имея при себе второй дыхательный аппарат.

– Для кого? – спросит любопытный собеседник. – Неужели тебе предстоит кого-то забрать с собой?..

– Совершенно в дырочку, – отвечу с хитрой улыбкой. – Ваша догадка справедлива и уместна. Забрать предстоит нашего разведчика-нелегала, выполнившего свою миссию в одной из европейских стран. Для него и тащу лишний аппаратик.

Предвижу саркастическое возражение. Дескать, чегой-то Департамент контрразведки сует свой нос в дела сугубо разведывательного характера?

Да, иногда сует. В качестве шефской помощи, когда начальство на высшем уровне договаривается меж собой о взаимовыручке. Мы ж, в конце концов, из одной «конторы».

Одним словом, подобные задания мне доводилось исполнять не раз и не два. И ничего сложного в них до сегодняшнего дня не было...

* * *

Второй час торчу в сотне метров от берега и уже подумываю о возвращении на судно. Начальством на данный счет было сказано следующее:

– Ждать до упора.

Я требовал конкретики, ведь в наших делах случается всякое.

– В котором часу настанет ваш «упор»?

– На рассвете...

Итак, начало пятого. Рассвет на подходе: небо на востоке приобретает фиолетовый оттенок; вот-вот и начнет светать. Решаю подождать минут десять и сваливать восвояси. Иначе мою торчащую над волнами башку точно кто-нибудь заметит.

Внезапно от спящих городских кварталов доносится необычный звук: далекий вой сирены.

– Так, – полощу я рот соленой водичкой, – а вот это уже плохо.

По улочкам приморского города мчится несколько машин, и свет от мощных фар скачет по белокаменным фасадам, контуры которых только-только начинают прорисовываться на фоне серого неба.

Левой рукой я придерживаю второй дыхательный аппарат, правой же неосознанно лезу под клапан кармана за пистолетом... Не хотелось бы доводить дело до стрельбы, ибо начальство строжайшим образом наказывало сохранять инкогнито. Но раз уж дошло до погони с воем полицейских сирен, то...

Впрочем, подождем.

Не проходит и минуты, как на дорогу, чьим продолжением является западный пирс, вылетает большой внедорожник темной масти. Я вдруг понимаю, что слишком увлекся просмотром захватывающих кадров погони. Включаю в работу ноги и приближаюсь к молу.

Внедорожник с визгом покрышек останавливается на его изгибе – там, где устроена миниатюрная стоянка. Ему удалось немного оторваться от преследователей – те появляются на пирсе в тот момент, когда две мужские фигуры уже волокут к воде какого-то человека.

Я рядом – метрах в десяти и готов встретить нелегала.

Суета прилично раздражает. Почему их трое вместо одного? К чему такой шум – неужели нельзя было сработать аккуратнее?.. Впрочем, дела и задачи нашей разведки мне по барабану. Каждый должен качественно отработать свою собственную миссию. Моя миссия состоит в том, чтобы принять человека и незаметно уйти с ним на глубину.

Один из мужиков остается на больших камнях, из которых сложено основание мола. Второй – высокий, в джинсах и черной футболке – толкает третьего в воду. В этот момент я понимаю, что этот третий – хрупкая женщина со связанными руками. Она падает, кое-как поднимается (вода ей по пояс) и что-то гневно мычит. Стало быть, еще и кляп во рту!

Мужчина снова ее толкает и, тяжело дыша, хрипит в мою сторону:

– Вена!

Это условный знак.

– Тироль! – двигаюсь к нему. – Кто из вас идет со мной?

– Она, – кивает он на женщину.

Наверху, на автомобильной стоянке, раздаются выстрелы – оставшийся там мужчина пытается задержать полицию.

– Уходите! – кричит высокий. – Быстрее уходите!!

Я тяну женщину за локоть, но та вырывается и снова мычит.

– Приятель! – окликаю взбирающегося по камням соотечественника. – Мне приказано помочь разведчику-нелегалу, а тут... Вы не ошиблись?

– Нет-нет, не ошиблись. Просто резко поменялись планы. Ты должен забрать эту барышню!

– Но...

– Должен во что бы то ни стало! Уходи!!

Под громкую и нескончаемую пальбу я веду девицу прочь от мола. Извиваясь, она вырывается, но мои объятия крепки.

На полутораметровой глубине останавливаюсь, закрепляю на груди строптивой подружки ребризер, выдергиваю изо рта кляп и тут же, не давая возможности что-либо вякнуть, напяливаю на голову полнолицевую маску. Рук на всякий случай не развязываю. Открыв вентиль баллонов, тащу ее за собой под воду.

Перед тем как уйти в пучину, в последний раз оборачиваюсь...

И вижу падающее с пирса тело высокого мужчины в джинсах и черной футболке. Второй неподвижно лежит на больших камнях, уткнувшись лицом в кустую придорожную растительность...

Глава 2

Босния и Герцеговина; город Бихач

10 августа

Яркий солнечный день. В открытое окно врывается ветерок, а вместе с ним мелодичные звуки невеселой боснийской песни.

Отдышавшись и придя в себя после исступленного продолжительного секса, симпатичная смуглая девушка прильнула к плечу симпатичного молодого человека:

– Марко, давай уедем. Навсегда и очень далеко.

Затягиваясь тлеющей сигаретой, длинноволосый Марко вслушивается в мотив, глядит в потолок и о чем-то размышляет...

Наконец, голос девушки проникает в его сознание. Он целует ее и смеется:

– Куда? В Колумбию?..

– А почему бы нет? Там живет моя мама, у нее прекрасный большой дом, она поможет нам найти работу...

Молодой мужчина откидывает шелковую простыню, отодвигается к краю широкой кровати и тушит окурки в пепельнице. Улыбка сходит с его чистого, слегка вытянутого лица.

– Нет, Хелена. Во-первых, товарищи расценят мой отъезд как бегство. Во-вторых, все мои кони здесь, на Балканах. А в-третьих...

– Что в-третьих? – прижимается она щекой к его предплечью.

Он нехотя тянется к стопке газет. Развернув верхнюю, подает девушке:

– Читай.

Она быстро проглатывает абзацы, затем возвращается к началу статьи и читает текст с медленной вдумчивостью, повторяя вслух самые вопиющие, с ее точки зрения, инсинуации, поданные журналистом итальянской газеты «Corriere della Sera»:

– «Полицейские структуры европейских стран столкнулись с новой напастью в борьбе против распространения наркотиков. Теперь на кокаиновом рынке заправляют сербские кланы с менталитетом *guerrieri narcos* (наркогангстеров) и со структурами полувоенных формирований. Среди их членов находится немало ветеранов балканских войн. А за последние два года сербско-черногорская мафия стала мощным элементом, обеспечивающим трафик кокаина между Южной Америкой и Европой. Эта преступная сеть монополизировала почти все маршруты доставки наркотиков по морю...»

На секунду она отрывается от чтения и, покусывая губы, качает головой:

– Боже, как это несправедливо и подло! Это же неправда!

– Это мы с тобой знаем, что неправда...

– «...Клиентами сербских наркобаронов являются некоторые семьи калабрийской мафии «ндрангета», а также криминальные группировки в Австрии, Германии, Испании и Великобритании. Сербские закупувачи наркотиков по всему миру, включая Колумбию, транспортируют в Европу и доставляют покупателю практически «на дом». Местные преступные группировки освобождены от любой ответственности за самые рискованные фазы операции по доставке. Они не вносят предоплату и самое главное – экономят: у сербов килограмм кокаина стоит около тридцати пяти тысяч евро по сравнению с сорока тысячами евро у конкурентов.

В данный момент балканские кланы уже попали в разработку DEA (американское агентство по борьбе с наркотиками), ВІА (сербская секретная полиция) и SOCA (британская служба по борьбе с преступностью). И, что самое важное, стали известны имена главных наркобаронов. Так, хорватские спецслужбы уже вышли на след Марко Матича – опаснейшего координатора сербских наркокартелей...»

– Сволочи! – Девушка в сердцах швыряет газету.

Молодой человек горько усмехается:

– Теперь ты понимаешь, почему мой отъезд в Колумбию лишь разгонит жернова мельницы этих негодяев?

– Понимаю, – откидывается она на подушку. – Боже, какая же это мерзость – политика!..

Пару минут они хранят молчание, вслушиваясь в слова далекой сербской песни...

– А тебе не кажется, что появление статьи мог организовать мой отец? – прерывает Хелена паузу.

– Анте? – морщит Марко лоб. – Не знаю. Не уверен. Впрочем, я не анализировал подобный вариант.

– Он способен на это.

– Какая разница – кто, где и как напечатал эту подлую статейку! – встает с кровати молодой человек и натягивает брюки. – Полагаю, сейчас важно другое.

– Что именно?

– Необходимо объяснить простым людям, что это провокация! Что правительство Республики Сербская Краина в изгнании и движение по возрождению этой республики не имеет никакого отношения к наркотикам!

Еще не выработав точного плана действий, молодые люди намереваются покинуть небольшую съемную квартирку на окраине спокойного полусонного городка Бихач и отправиться к надежным товарищам в Белград.

Поспешно одевшись, они направляются к двери и вдруг слышат на улице беспорядочную стрельбу.

– Кто это? – взволнованно шепчет девушка.

– Не знаю, – отвечает Марко и, пригнувшись, подкрадывается к окну.

Прячась за тонкой шторой, он осторожно выглядывает наружу...

– Черт!

– Что? Что там?

– Хорваты. Нужно уходить, – возвращается он к двери. – Быстро вниз!

– Но как мы теперь уйдем?..

– Через квартиру соседей! Их окна выходят во двор.

Непосвященному человеку показалось бы странным поведение Марко Матича – главного казначея правительства Сербской Краины в изгнании и одного из лидеров сербского движения по возрождению уничтоженной хорватами республики. Что он делает в Бихаче? Почему он не в резиденции белградского предместья Земун, где комфортно расквартированы его коллеги? Какого черта его занесло в Боснию и Герцеговину, выступавшую в последнем конфликте на стороне хорватов?! Ведь население Бихача значительно пострадало от трехлетней сербской осады в период Боснийской войны. Горожане до сих пор с содроганием вспоминают те времена и воспевают хвалебные гимны хорватским генералам, руководившим уничтожением Республики Сербская Краина.

Однако не все так просто.

Во-первых, отец Хелены – отставной хорватский генерал-лейтенант Анте Анчич – один из ярких политических противников правительства, членом которого является Марко Матич. И, несмотря на то что девушка не разделяет взглядов отца, ей лучше не рисковать и не появляться среди сербского населения – фанатично настроенных идиотов хватает везде.

Во-вторых, сам Марко – человек тертый, осторожный и разумный. Хорватские спецслужбы бесчисленное количество раз устраивали нападения на министров изгнанного правительства. Дважды планировали покушения на Матича, и оба раза это происходило на подконтрольных сербам территориях. Поэтому в скромных городках и селениях Боснии он

чувствовал себя в большей безопасности, чем дома. Оттого и назначал редкие встречи с любимой девушкой то в Бихаче, то в Мостаре, то в Зенице...

* * *

Печальную песню, льющуюся с улицы, заглушают частые хлопки пистолетных выстрелов. – Это Воислав, – поясняет Марко, распахивая дверь на узкую лестничную площадку двух соседних квартир. – Он их задержит.

Воислав был надежным и бессменным телохранителем Марко Матича со времен военного противостояния хорватской операции «Буря».

Успев сделать один шаг, Марко слышит торопливые шаги по ступеням. В руке тут же блеснул вороненой сталью пистолет.

Выстрел, второй, третий! Внизу раздается стон.

Рывок к соседской двери. Она не заперта.

Узкий, полутемный коридор, резкий запах красного лука.

На шум из светлой комнаты шаркает седой старик. Завидев непрошенных гостей, он останавливается, бледнеет.

Марко спокойно предупреждает:

– Мы вас не тронем. Позвольте воспользоваться вашим окном во двор.

Тот отступает на шаг, пропуская парочку в единственную комнату. Серб в два прыжка оказывается у раскрытого окна, высунувшись, оценивает высоту и прыгает вниз. Стоя под окном, тянет вверх руки:

– Смелей, Хелена!..

Девушка падает в объятия молодого мужчины, и парочка бежит к каменному забору, отделяющему крохотный внутренний дворик от улицы. В конце этой улицы стоит скромный домик, рядом – площадка из гравия за железными створками ворот. На эту площадку хозяин дома согласился загнать «Фиат», на котором приехали в Бихач Марко, Хелена, Воислав и водитель-охранник Никола. Машину поставили подальше от ворот, накрыли стареньким чехлом; набросали сухих виноградных листьев, будто позабытое авто много дней дожидается нерадивого хозяина.

Преодолев невысокий забор, они бегут по улице.

Услышав стрельбу, Никола заводит двигатель, выезжает в раскрытые ворота и поворачивает навстречу. Не доехав десятка метров до бегущей парочки, резко тормозит и разворачивает машину на сто восемьдесят градусов.

Марко с девушкой падают на заднее сиденье.

– Гони!

– А что с Воиславом?

– Был на улице – отстреливался. Гони!..

Авто срывается с места и несется по узким улочкам сонного, разморенного полуденной жарой городка...

Говоря девушке о своей неуверенности в причастности ее отца к появлению провокационной статьи, Марко кривил душой. Да, делал он это во благо их отношений, но тем не менее не сомневался в том, что провокацию организовал Анте Анчич – ярый ненавистник сербов.

Хелена родилась в середине восьмидесятых от первого брака Анте с известной колумбийской журналисткой. К тому времени Анчич уволился в звании старшего капрала из Французского иностранного легиона, где приобрел бесценный боевой опыт спецназовца. Получив французское гражданство, он завербовался в секретные спецслужбы и отправился искать приключения в Южную Америку. Аргентина, Гватемала, Боливия, Парагвай, Чили, Колумбия...

Меняя время от времени эти страны, он работал в различных службах безопасности, охраняя президентов и премьеров; помогал движению голлистов; обучал в качестве военного инструктора и советника бойцов различных вооруженных формирований; лично участвовал в ряде секретных операций.

Зарабатывал он хорошо, однако деньги в карманах и на счетах не задерживались. Разведясь с молодой журналисткой, Анте вернулся в Париж, где тут же вляпался в некрасивую историю с ограблением ювелирного магазина. Отсидев год во французской тюрьме, он вышел на свободу и вновь занялся криминалом, похищая богатых бизнесменов и вымогая у несчастных родственников огромные суммы...

Одному Богу известно, чем бы все это закончилось, если бы постоянное преследование французской полиции не вынудило его в 1991 году вернуться в родную Хорватию.

* * *

Из Бихача в разные стороны ведут три дороги. Первая – на запад – в Хорватию; вторая петляет меж гор на юго-восток, заканчиваясь в столице Боснии – Сараево; и, наконец, третья долго тянется на восток вдоль границы между Боснией и той же Хорватией.

Для бегства Марко выбирает третью, самую короткую дорогу до Баня-Луки. В скромном аэропорту этого городка дожидается небольшой реактивный самолет, на котором он намеревается отправить Хелену в Италию или Францию. Сам же вернется в Сербию на автомобиле...

«Фиат» с ревом вылетает за пределы города и несется вдоль неширокой реки. Сначала путь лежит по оживленной трассе, затем Никола сворачивает на старую трассу, издавна проложенную сквозь лес, крохотные деревушки и многочисленные поля.

С четверть часа все напряженно молчат. Наконец Никола подает голос:

– Кажется, оторвались.

– Возможно, – прижимая к себе дрожащую девушку, вглядывается вперед Марко. – Посмотри, что это там?

Впереди на левой обочине дороги стоят два автомобиля. Заметив их, Никола прибавляет скорость.

– Наверняка хорваты. Черт бы их побрал!

Поздно: автомобили резко разворачиваются и встают поперек дорожного полотна, преграждая путь; из салонов выскакивают вооруженные мужчины. Один из них, присев на колено, целит в «Фиат» из автоматической винтовки.

– Держитесь! – намеревается прорваться по узкой обочине Никола.

Высунув в левое окно руку с пистолетом, он стреляет, одновременно уходя вправо. Стрелок отвечает прицельным огнем из винтовки. Никола вскрикивает и заваливается вправо.

Марко тянется вперед, к рулю, но исправить положение не успевает – проскакав по пыльным ухабам, «Фиат» переворачивается набок, скользит по траве, затем подпрыгивает на кочках и начинает беспорядочно кувыркаться по засеянному кукурузой полю...

Последний кульбит заканчивается точно напротив преградивших дорогу машин. К «Фиату» подбегают два рослых парня и заглядывают в салон.

Водитель мертв – лицо в кровоподтеках от пулевого отверстия во лбу. На заднем сиденье лежат двое без сознания: молодой симпатичный мужчина с разбитым лицом и девушка.

Покуда две машины освобождают трассу, с насыпи спускается молодой мужчина – высокий, в джинсах и черной футболке.

– Что с Матичем? – спрашивает он по-русски.

– В порядке. Дышит.

– А с ней?

– Девчонка цела. Похоже, в обмороке от испуга.

В это время кто-то замечает вдалеке на пустынной дороге пылящий автомобиль, на всех парах мчащийся к ним.

– Хорваты?

– Да, это те, что выслеживали парочку в Бихаче.

– Забирайте Матича и действуйте по плану. Девчонку – во внедорожник!

Спустя минуту окровавленный Марко лежит на заднем сиденье черного автомобиля, уносящегося прочь от Бихача. Хелену увозит огромная «Тойота». Увозит в обратном направлении – навстречу хорватской погоне...

Глава 3

Хорватия; южный порт Сплита

11 августа

Плыть чертовски неудобно. В одной руке держу панель, голубоватый экран которой указывает направление на поставленную мной метку при выходе из судового подруливающего устройства. Другой рукой тяну за собой девчонку, парализованную шоком и напрочь отказывающуюся работать своими длинными конечностями. Блин, бревно на лесосплаве плавает лучше и быстрее! А эта, вместо того чтобы грести, – дергается. И зачем я только разрезал веревку, спутывавшую ее запястья?..

В первые минуты нахождения под водой она выделяла такие крендели, что вместо движения к «Sea Dream» мне пришлось тупо обхватить ее ручищами и держать до тех пор, пока не иссякнет буйное сопротивление. Потеряв силы, она затихла. Осветив лица экраном панели, я одарил ее вопросительным взглядом: успокоилась, дура?

Дура скорчила в ответ страшную рожу, и мы потихоньку поплыли...

По поверхности спокойной бухты рыщет луч прожектора, а пару раз поблизости негромко тарахтит мотор катера. С новой обузой недосуг всплывать и глазеть по сторонам. Впрочем, я и так не сомневаюсь: ищут нас. Поэтому держусь у самого дна и двигаюсь в восточном направлении.

Ориентироваться помогает «палочка-выручалочка» – навигационно-поисковая панель с цветным экраном, отображающим великолепную картинку со сканирующего гидролокатора кругового обзора. Мне очень нравится эта вещица. Она собрана людьми с университетским образованием, в стерильных масках, в белых халатах и с характерами ангелов, а не бандой китайских крестьян в подвале, где каждые пять минут раздается свист кнута. Весьма надежная и подчас незаменимая для боевых пловцов штукавина. Немного тяжеловата – в воде ее вес составляет около трех килограммов, зато в радиусе до сотни метров позволяет отлично видеть все: рельеф грунта, объекты и крупные предметы, группы водолазов. Объекты пеленгуются и графически выводятся на экран с набором подробных данных о геометрическом размере, дистанции, пеленге, высоте расположения от донного грунта. Сказка!

Ага, вот в верхней части экрана появляется самый краешек восточного мола. Стало быть, плывем правильно.

Ворота проходим без приключений. Оставшуюся до круизного судна дистанцию также преодолеваем в спокойном и относительно ровном темпе.

Перед двухметровым отверстием носового подруливающего устройства у девчонки начинается очередной припадок. Буйный протест она выражает всеми доступными способами: дубасит меня кулачками, пытается выдернуть из ножен мой нож, упирается руками и ногами в проем округлой дыры...

В конце концов приходится включить фонарь, ослепить ее ярким лучом и, воспользовавшись секундным замешательством, затолкнуть в чрево гигантской трубы. При этом тоскливо подумалось: «Господи, подскажи, как засунуть ее в шлюз! Ведь его диаметр в четыре раза меньше...»

Вообще-то мой отряд боевых пловцов около двух недель готовился к совершенно другой операции, названной командованием «Эхолот». Мы тщательно изучали морские карты, глубины и рельеф дна района предстоящих действий, вероятного противника и методы его противодействия. Все буднично – ничего нового. И вдруг как обухом по голове: шеф, генерал-лейтенант Горчаков, попадает в автокатастрофу. Сотрясение, перелом руки, ссадины и люксовая палата в закрытой подмосковной клинике. Тут же появляется неприятный тип – генерал-майор

Борщевский, временно назначенный вместо Горчакова. Он меняет план «Эхолота», вычлняя меня из состава участников, и в тот же час ставит мне другую задачу. При этом все делается тайно и в жуткой спешке: ни надлежащей подготовки, ни вразумительных объяснений.

Странно все это. Но я принимал присягу и привык исполнять приказы, сколь бы идиотскими они ни казались.

Дальнейшее развитие событий очевидностью не удивляет, но озадачивает еще больше. Я жду одного человека – естественно, крепкого, физически подготовленного мужчину, который должен тихо появиться на фоне золотистых огней ночного Сплита, войти в воду, а завидев меня, произнести заветное слово «Вена». Озвучив установленный ответ, я помогаю ему натянуть ребризер с маской; затем мы уходим на глубину и без особых проблем добираемся до «Sea Dream».

Примерно так рисовал не особенно сложное задание новоиспеченный генерал-майор. Примерно таким это задание я и представлял до последней минуты. И вдруг вой полицейской сирены, погоня, перестрелка...

Ну, это ладно – я военный и к подобным «прелестям» привычен. Но какого хрена на мол высыпало аж три человека вместо одного? И какого черта один из них был со связанными руками? И почему связанный человек обязательно должен оказаться хрупкой, истеричной бабой?!

Ответы на эти непростые вопросы я надеялся получить позже – на борту «Sea Dream». А пока предстояло запихнуть «посылку» в «кастрированный» торпедный аппарат калибра 533 миллиметра...

* * *

Протолкнув девицу в подруливающее устройство, я захолаживаю новую и совершенно неожиданную проблему. Внутри огромной трубы первым делом снова включаю фонарь. Во-первых, мне пришлось бы долго искать на ощупь вход в шлюз. А во-вторых, почему-то возмнил, будто освещенное пространство приведет в порядок психику напарника-дебютанта.

Но где там!

Завидев перед собой лопасти большого гребного винта, она подняла такую бучу, что едва не сорвала с моего лица маску. Успокоил ее лишь могучий кулак, красноречиво показанный в фонарном свете.

Признаюсь, готов был двинуть этим кулаком по ее темечку, потому как не имел других способов объяснить, что двигатель, а следовательно, и винт носового подруливающего устройства заблокированы старшим механиком судна до нашего возвращения. Двинуть собирался ласково – чтоб заглохла и на минуту присмирела. Но она каким-то бабским ясновидением просекла опасность быть контуженной и поубавила пыл. А я, осознав жестокость помыслов, ткнул в закрытую крышку шлюза: «Смотри сюда!» Затем дважды врезал по ней тыльной стороной фонаря и продолжил мысль: «Будешь послушной девочкой – волшебная дверка откроется и ты отправишься в сухую теплую каюту пить какаву с чаем. Ясно?»

Уж не знаю, что она там про себя подумала под глухие звуки ударов по металлу, но истерить прекратила и послушно заплыла в темное чрево аппарата, когда крышка отъехала в сторону...

Процесс входа в судно слегка отличался от выхода. Дабы не разбавлять содержимое цистерны грязной забортной водой, приходилось пару минут ждать, пока стармех откроет магистрали, через которые пресная водица вытеснит соленую обратно в море. Только после этого дозволялось покинуть трубу.

Ага, впереди забрезжил слабый свет – «ворота» аппарата гостеприимно распахнулись. Толкая напарницу и вслед за ней устремляюсь вверх, где в мелкой ряби танцует светлый круг открытого люка цистерны.

Вырвавшись на поверхность, снимаем маски. Помогаю девице нащупать короткую лесенку и выйти из воды. Она еле двигается – устала и тяжело прерывисто дышит. Да, для дружеского общения с ребризерами нужны тренировки и опыт.

Все боевые пловцы из отряда «Фрегат-22» пользуются современными ребризерами с электронным управлением. Как и подводная навигационно-поисковая панель «P-SEA», ребризер тоже является высокотехнологичной штуковиной. Это самый дорогостоящий из всех незаметных дыхательных аппаратов типа «CCMGR» (Closed Circuit Mixed Gas Rebreather), в котором углекислый газ, выделяющийся в процессе дыхания, поглощается химическим составом регенеративных патронов. После выдоха смесь обогащается так называемой «донной смесью» (кислородом с дилуэнтном, содержащим воздух или нитрокс; чаще смесь на основе гелия) и снова подается на вдох. Бешеная дороговизна аппарата обуславливается наличием электронной схемы с микропроцессором, дозирующей кислород в зависимости от глубины, за счет чего происходит эффективная и быстрая декомпрессия. В нижней части ребризера предусмотрено местечко для двухлитрового резервного баллона с обычной воздушной смесью. Этот баллон, получивший наименование «парашют дайвера», предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров.

Наши аппараты надежны – во «Фрегате» не было ни единого случая, связанного с их неисправностями. Порой кажется, будто ребризеры собирают в сверхчистой комнате с фильтрованным воздухом под ярким солнечным светом, будто каждую деталь после сборки окропляют святой водой, а вокруг непрерывно звучат молитвы. Дабы ни одна жизнь не была загублена на глубине из-за отказа какого-нибудь крохотного компонента...

* * *

Стараясь не шуметь, мы топаем в мою каюту. Стармех Егор Иванович когда-то работал на нашу «контору» и теперь по старой памяти изредка оказывает мелкие услуги. К примеру, обеспечивал скрытную установку шлюза в танке пресной воды, когда круизное судно «Sea Dream» стояло в доке на ремонте; затем пособил мне затесаться в команду, подобрал каюту в дальнем закутке самой нижней жилой палубы, а сейчас помогает осуществлять вход-выход через шлюз. Разве я справился бы без такого помощника?..

– Где ж ты ее подобрал, сердешную? – сочувственно поглядывает он на шуплую девушку, очень похожую на мокрую выдру. – Обещались же мужика!..

– Мужики кончились. Погибли геройской смертью у изгиба западного мола. А мне завещали доставить это чудо в полной сохранности.

– Худая, как из Освенцима. Босиком. Волос на голове, как у тифозной курицы, полкило железа на теле...

Видок у живой посылки действительно неважнецкий. Легкая футболочка на голое тело, юбочка из папиного галстука-селетки; невероятный ассортимент украшений из области пирсинга. Ну, и в довершение – босые ноги, оставляющие на палубе мокрые следы детского тридцать четвертого размера.

– Между прочим, я понимаю по-русски! – огрызается девица.

Тембр голоса у нее низкий, но приятный. Слова выговаривает с приличным балканским акцентом.

– О, глянь-ка – по-нашему шпыхает! – расцветает Иваныч. – Тебя как звать-то, сиротинушка?

Надув губки, она молчит.

Что ж, тупое молчание куда лучше истерик и шока.

– Прошу! – распахиваю дверцу каюты.

Жилище мне Иваныч и в самом деле подыскал идеальное: относительно просторная двухместная каюта, расположенная на отшибе – в тупичке самого дальнего аппендикса нижней палубы. До ближайших соседей (двух рулевых матросов) – полсотни шагов, не меньше. В каюте имеются туалет и раковина, две койки с рундуками, письменный стол и пара платяных шкафов. С внешним миром жилище связано маленьким круглым иллюминатором, через который с трудом пролазит моя голова.

Девчонка решительно заходит внутрь. Усевшись на заправленную койку, отворачивается к открытому иллюминатору, за которым уже не тлеет, а всю разгорается рассвет.

Благодарю стармеха и прощаюсь до завтрака. Сажусь напротив «посылки».

– И все-таки как тебя звать?

– Дай мне расческу, – требует она вместо ответа.

– Держи.

Заметив зеркало над умывальником, она вскакивает и начинает расчесывать мокрые волосы.

Подав чистое полотенце, повторяю вопрос:

– Как зовут?

Секунда. Две. Три. На четвертой приходит осмысление, а на пятой в мозг ударяет гнев.

– Какое тебе дело?! – взрывается она. – Вам не сойдет с рук то, что вы сделали! Моя мать – известная журналистка из Колумбии! Отец, между прочим, генерал-лейтенант хорватской армии!..

И тут из нее пошло. Нет, не пошло, а поперло. По нарастающей. По гиперболе. Подобно струе, вырывающейся наружу после инсталляции хорошей двухлитровой клизмы.

– Чего ты орешь, как Фрося Бурлакова?! – останавливаю ее порыв властным жестом, поскольку абсолютно не в теме относительно того, что «мы сделали». – Не кричи о своем недовольстве. И даже не думай о нем громко. Иначе утоплю в той цистерне с пресной водой, из которой только что вылезли. Ясно?

Она взбешена и одновременно растерянна. Грудь вздымается от частого и глубоко дыхания, в глазах – злые огоньки.

– Умница! Слушай дальше, – продолжаю внушение. – У тебя нет никакой необходимости разговаривать с Богом и спрашивать, сколько тебе осталось жить. Совершенно никакой. Но поговорить с ним и спросить об этом надо обязательно. Понимаешь меня?

– Да.

– Молодец. В общем, круто менять ничего не рекомендую. Рот не раскрывай, не шуми, дверьми не хлопай, ходи на цыпочках, и хрупкий баланс твоих жизненных ошибок, компенсирующих друг друга, заставит нашу совместную программу работать. Кое-как, но работать.

– Какую программу?

– Программу по спасению твоей жизни.

– Ничего не понимаю...

Вздыхаю, ибо тоже не посвящен в подробности.

– Давай для начала познакомимся. Меня зовут Евгений.

– Хелена. Хелена Анчич.

– Очень приятно. Теперь выслушай меня, Хелена, внимательно и подумай. Я – спецназовец и профессиональный убийца. Те люди, что привезли тебя на западный мол, тоже неплохо обучены данному ремеслу. Улавливаешь ход мыслей?

– Немного, – испуганно косит она в мою сторону. – Если бы ты или те люди хотели меня убить, то...

– Совершенно верно – твоя душа давно переселилась бы на небеса. А раз ты жива и здорова – значит, мы твои друзья. Согласна?..

Не знаю, сколь убедительной получилась моя речь, но, выслушав ее, девчонка перестала дергаться, колючий взгляд слегка потеплел. Она основательно высушила полотенцем волосы и долго причесывалась, пока я лазил по рундукам в поисках подходящей сухой одежды...

Глава 4

Российская Федерация; Московская область

Несколько дней назад

Далеко не новый «Мерседес» темной масти наглухо застрял в многокилометровой пробке. Молодой водитель, недавно переведенный из стажеров, волнуется и беззвучно шепчет ругательства. Его предшественник – пятидесятилетний Аркадий, месяц назад внезапно скончавшийся на даче от инфаркта, – многократно одолевал начальство просьбами дать разрешение на оборудование автомобиля синим проблесковым маячком. Но начальство в лице генерал-лейтенанта ФСБ Горчакова было неприступно:

– Еще один любитель малиновых штанов!

– Но почему, Сергей Сергеевич? – канючил он. – Все начальство, все уважаемые люди ездят, а мы в пробках томимся!..

– Начальство, Аркадий, в первую очередь обязано томиться в этих пробках, коль извилин не хватает организовать нормальное движение.

– Ну, Сергей Сергеевич! Мало того, что машина старая, так еще и...

– Все, Аркадий, никаких маячков! Не хватало, чтоб простой народ, которому мы служим, матерился нам в спину...

Вспомнив покойного добряка водителя, Горчаков тяжело вздохнул и потянулся за сигаретами. Машина медленно, но все же перемещалась по перегруженной Ленинградке. До трехэтажного особняка в Новогорске, где Горчакова ждал руководитель Департамента контрразведки, оставалось километров десять-двенадцать. На Куркинском шоссе пробок никогда не бывало, но до него еще надо было доползти...

Весь последний месяц Сергей Сергеевич Горчаков пребывал в отвратительном расположении духа. И способствовал тому целый ряд больших и почти незаметных событий, изрядно действующих старому контрразведчику на нервы.

Здорово вышибла из колеи внезапная и необъяснимая смерть Аркадия, никогда доселе не жаловавшегося на сердце. Они были знакомы более десяти лет, доверяли друг другу и проехали по России не одну тысячу верст. Это было первое.

Вторым раздражающим фактором стало появление в Департаменте весьма неприятного сотрудника – полковника Борщевского Бориса Марковича. Горчаков распознавал подобных мерзавцев за километр: заурядный молодой выскочка с туманным прошлым и с большими связями во властных структурах (в данном случае в политсовете «Единой России»). Будущее Борщевского прогнозировалось с легкостью: блестящая и стремительная карьера, миллионы (а то и миллиарды) украденных средств – и ни одного реального телодвижения на пользу России и российскому народу.

И, наконец, третье. За последние две недели руководитель Департамента дважды и прилюдно предлагал взять отпуск и отдохнуть. Небывалая щедрость. Такого раньше не случалось, и умудренный опытом Горчаков всерьез заподозрил в этом подвох. Оттого и сейчас на встречу с руководителем ехал с тяжелым сердцем...

* * *

После съезда на МКАД и серии поворотов старый «Мерседес» черного цвета вырвался из цепких лап заторов и помчался по узковатому Куркинскому шоссе в сторону одного из

коттеджных поселков Новогорска. Сергей Сергеевич затушил окурок и пошире приоткрыл окно, вдыхая относительно свежий воздух...

Переехав по мосту Сходню, машина сворачивает на узкую дорогу, петляющую серой змейкой сквозь густой хвойный лес, к поселку из шикарных особняков и коттеджей. Шоссе пустынно. Молодой водитель успел неоднократно побывать в здешних местах, но предпочитает ехать с небольшой скоростью.

Вскоре сзади появляется одна машина, за ней вторая.

– Не дергайся! – замечает волнение водителя Горчаков. – Если торопятся – пусть обгоняют.

Так и выходит. Вначале перестраивается влево и ревет движком новый «Вольво». Однако обгон выглядит неуклюжим и странным: нагнав генеральский автомобиль, он почему-то сбавляет скорость.

Второй машиной оказывается мощный внедорожник. Он занимает место «Вольво» и, упершись бампером в корму «немца», начинает его разгонять...

Что произойдет дальше, Сергей Сергеевич догадался мгновенно.

Пожалев о том, что за рулем сидит не Аркадий (уж тот бы посоревновался с этими сволочами в мастерстве вождения!), он выхватывает небольшой пистолет и, не дожидаясь, когда последует удар слева в набравший бешеную скорость «Мерседес», трижды стреляет в тонированные стекла передней дверцы «Вольво»...

Горчаков был староват даже для звания «генерал-лейтенант».

Небольшой рост – около ста семидесяти сантиметров, шуплое телосложение. Седые волосы обрамляют лицо с правильными чертами. Кожа тонка и почти не имеет цвета – вероятно, от большого количества ежедневно выкуриваемых сигарет.

Однако внешность мало перекликается с внутренним содержанием этого человека. При некоторых недостатках характера Сергей Сергеевич всегда слыл отменным профессионалом, получившим знания и навыки в старой доброй контрразведке КГБ. О его способностях можно говорить часами, а можно обойтись и короткой ремаркой: генерал-лейтенант Горчаков не имеет ничего общего с некоторыми армейскими служаками, для которых существует лишь два мнения – свое и неправильное. К тому же его высокие профессиональные качества хорошо приправлены выдержкой, смелостью, незаурядным умом и бесценным опытом.

* * *

И все же «Вольво» ударил в левый борт «Мерседеса». Ударил резко и сильно.

Молодой водитель давит на педаль тормоза, старательно выкручивает руль влево, но... напирющий сзади внедорожник явно мощнее.

Сброшенный с узкого дорожного полотна «Мерседес» пролетает с десятков метров над неглубокой обочиной и со всего маху врежется в основание огромной сосны.

Спустя секунду раздается второй удар: проехав чуть дальше, в такую же сосну въезжает и «Вольво».

Внедорожник резко тормозит. Из салона бесшумно выскальзывает человек в камуфлированной куртке и первым делом бросается к шведскому авто. Вскоре оттуда слышатся частые хлопки – выстрелы из бесшумного оружия.

Добив раненых коллег, мужчина в камуфляже бежит к «Мерседесу». Однако на полпути его окликает напарник:

– Уходим!

– А генерал?

– Уходим! – властно повторяет тот и, приоткрыв дверцу внедорожника, показывает портативную рацию: – По Машкинскому шоссе сюда едут три машины.

Лесную тишину вновь разрывает рев двигателя. Внедорожник лихо разворачивается на узкой дороге и мчит проселками в сторону МКАД...

Глава 5

Хорватия; акватория порта Сплита — Адриатическое море

11 августа

Завтрак в столовой экипажа я сожрал, подобно пиранье – не разжевывая. Жевать – значит терять время, а в моей каюте заперта Хелена, в голове которой живут тараканы неизвестной породы. По крайней мере, ни я, ни стармех ее помыслов и намерений за несколько часов общения не распознали.

Прихватив с собой кусок хлеба, котлету и половинку томата, мчусь на нижнюю жилую палубу. Отпираю каюту, захожу.

Девчонка сидит на койке, подобрал под себя ноги.

Бросаю взгляд на закрытый иллюминатор. Я закрутил пару его «барашков» так, что теперь, боюсь, придется нести из машины плоскогубцы.

– Ешь, – протягиваю кулек.

– Не буду.

– Почему? Это вкусно. Кок нашего судна отлично готовит.

– Я хочу знать: куда меня везут?

Законный вопрос. Только лучше на него не отвечать.

– Есть такая поговорка: меньше знаешь – крепче спишь. Ешь давай!

– Не буду...

Нашу мирную светскую беседу прерывает продолжительный гудок, оглушивший и одновременно известивший округу о старте второй половины круиза «Sea Dream». Подхожу к иллюминатору, сквозь который виден город. Судно с торжественной неторопливостью отваливает от пирса, нехотя выходит из бухты гостеприимного Сплита и, взбеленив за кормой воду, направляется к проливу меж большими островами Брач и Шолта...

* * *

Все идет своим чередом: пассажиры отдыхают и предаются доступным развлечениям в барах, казино, в кинотеатре, на верхней палубе и в открытом бассейне; команда работает, а судно резво рассекает форштевнем воду Адриатики и уверенно держит курс на Ионическое море.

А в начале седьмого вечера ситуация резко меняется. В моей каюте звонит телефон.

– Женя, десять минут назад на связь с кораблем вышли хорваты, – гробовым голосом сообщает стармех.

– Чего хотят?

– Требуют от нашего капитана застопорить ход.

– Разве мы еще не в нейтральных водах?

– Нет.

– Интересно девки пляшут... А что за хорваты? Кто именно?

– Два скоростных катера. Кажется, пограничники.

Морщу лоб и задумчиво потираю подбородок.

– Ты сейчас где?

– В ходовой рубке.

– Понял. Понаблюдай за развитием событий и держи меня в курсе.

– Хорошо, оставайся в каюте. Если что – предупрежу...

Некоторое время наше судно по-прежнему бойко идет в юго-восточном направлении. Однако возле далматинского побережья на траверзе острова Ластово его настигают скоростные катера хорватской полиции и береговой охраны. «Sea Dream» сбавляет ход, и я понимаю, что визит на борт непрошенных гостей неизбежен.

Не дожидаясь вестей от старшего механика, цепляю свой любимый нож к голени и предупреждаю Хелену о необходимости на время исчезнуть.

– От кого я должна прятаться? – возмущается она.

– От хорватов. Точнее сказать не могу: от полицейских, от пограничников, от спецслужб... Не знаю.

– От хорватов? – почему-то испуганно шепчет она. – Почему я должна тебе верить?

– Подойди сюда, – открываю иллюминатор и помогаю ей дотянуться до небольшого круглого отверстия. – Видишь вместительные океанские катера?

– Вижу.

– А флаги?

– И флаги вижу, – понуро кивает она.

– Еще вопросы есть?

– Нет. Куда мы должны идти?..

Вообще-то мне прятаться нет никакой нужды. Я официально числюсь матросом-мотористом команды круизного судна, и все мои документы в полном порядке – не докопается ни одна бумажная крыса в форме таможенника или пограничника. Но я обязан побеспокоиться о надежном укрытии Хелены, а самое подходящее убежище на этом корабле – цистерна с пресной водой для технических нужд. Там пропавшую девушку вряд ли будут искать. Потому вызваниваю по внутренней телефонной линии Иваныча, стовариваюсь встретиться у входа в танковый отсек и веду туда живую «посылку»...

* * *

Егор Иваныч прилетел ко входу в цистерну с бешеной скоростью и бледным лицом.

– Хорваты уже разговаривают с капитаном. Они предъявили какие-то крутые документы и под страхом ареста судна требуют дать им возможность провести обыск.

– А что капитан?

– Горский возмущается и грозит международным судом. В общем, тянет время.

– Тогда нужно поторопиться, – решительно прохожу я в отсек с двумя закрытыми люками.

Иваныч, как и сутки назад, по-хозяйски направляется к дальней стенке и, поддев отверткой металлический лист, просовывает внутрь руку. Что-то покрутив, снимает лист со своего места и аккуратно ставит в сторонке. Когда он спокоен, то, как правило, насвистывает песенку из репертуара Утесова. Что-то про Черное море...

Хелена замороженно наблюдает за его действиями. Попав сюда в первый раз, она пребывала в таком ступоре, что ничегошеньки не разглядела, не поняла и не запомнила. Теперь же, остыв и придя в себя, с любопытством изучает неглубокую нишу, где спрятано водолазное снаряжение: легкий гидрокостюм, ласты, подвесная система, пистолет; внизу стоят два готовых к работе ребризера с итальянскими полнолицевыми масками.

В нише не должно остаться ничего, поэтому я быстро напяливаю отдельный гидрокостюм, подвесную систему, ребризер и прочие прибабасы. Потом вместе с Иванычем готовим к погружению девчонку. Она напряжена, но истерикой и шоком пока не пахнет. Это хороший знак.

Покончив с подготовкой, стармех открывает крышку люка и помогает нам спуститься внутрь цистерны. Воды в ней немного поубавилось – в Сплите она была почти полна, а сегодня зазор между потолком и поверхностью жидкости составляет больше полуметра.

Показываю Иванычу циферблат часов:

– Не забудь – воздушной смеси осталось на один час.

– Помню, – затворяет он тяжелую крышку.

Я включаю фонарь, но надвигать маску на лицо и уходить под воду не тороплюсь.

– Как здесь мерзко и страшно... – шепчет девушка.

Освещаю лучом потолок танка, отчего внутри становится немного светлее.

– Потерпи.

– Долго нам здесь болтаться?

– Пока хорваты не свалят на свои катера.

Всего на борт «Sea Dream» пожаловало не менее двадцати пяти хорватов. Среди этой многочисленной группы десятеро сверкают нашивками таможенной службы, столько же людей одето в форму сотрудников береговой охраны. Остальные мужчины выделяются крепким телосложением и одинаковыми камуфлированными костюмами серых оттенков без знаков различия. Командует этой компанией рослый мужчина лет пятидесяти пяти: черноволосый, с колючим взглядом зеленоватых глаз, с крупным ястребиным носом и с хрипловатым голосом. Одет также в камуфляж, на поясе – большая кобура с пистолетом, на ногах – высокие берцы натовского образца.

Общаясь с ним, капитан Горский выясняет причину остановки судна и, для порядка выдержав паузу, все же разрешает пограничникам и представителям спецслужб провести обыск с условием тщательного соблюдения норм международного права. Затем он делает объявление по общей корабельной трансляции, вкратце сообщая о намерениях представителей хорватских властей и мягко советуя пассажирам посидеть в течение часа в своих прохладных каютах.

Хорваты берутся за дело живо и профессионально, выставив на трапах и в коридорах перехватывающие посты. Проверка документов производится одновременно на всех жилых палубах и идет этакой волной от кормы к носу. Увернуться от «волны» невозможно – ушлые служаки тщательно проверяют документы пассажиров и членов команды, заглядывают в каждый платяной шкаф жилых кают и требуют от судовых специалистов открыть для осмотра каждое служебное помещение.

Постепенно группы проверяющих доходят до нижних палуб и трюмов...

– Это что за помещение? – спрашивает через переводчика черноволосый хорват с большой кобурой на широком ремне. Он невероятно придирчив и дотошен. Складывается впечатление, будто он ищет нечто, украденное у него лично.

– Ниже этой палубы конструктивно расположены танки, – не выдавая волнения, информирует старший судовой механик. – Ближе к машине – четыре топливных цистерны; в середине – одна с чистой питьевой водой, а здесь, по соседству с носовым подруливающим устройством, находится танк с пресной технической водой...

– Я спрашиваю, что в этом помещении? – бесстрастно повторяет сотрудник спецслужб.

– Вход в цистерну номер шесть.

– Для чего используется этот вход?

– Для санобработки и технического обслуживания внутренней полости герметичной емкости.

– Откройте.

Егор Иванович трясущимися пальцами вставляет в замочную скважину ключ, дважды проворачивает его и тянет на себя длинную ручку. Дверь со скрипом распахивается.

– Прощу! – щелкает выключателем стармех.

Несколько тусклых ламп за матовыми плафонами дружно осветили скудное убранство служебного помещения.

Хорват пинает ботинком тяжелую крышку люка.

– Это и есть те люки?

– Конечно. Других тут нет.

– Откройте, посмотрим.

– А-а... – притормаживает Егор Иваныч, – ежели это... крышку сорвет? Давление-то не выравнивали!..

– Там не может быть повышенного давления, – спокойно парирует через переводчика старший досмотровой группы. – Внутри стоит обычная водяная помпа. Даже две: основная и дублирующая. А давление выравняется за счет этой изогнутой трубки, – тычет он пальцем в деталь, венчающую одну из крышек. – Верно?

– Бог ее знает, – пожимает плечами старший механик, отвинчивая запоры.

– Я знаю это точно.

– А я все больше по машине. Тут и был-то всего раз. Или два...

Тяжелую крышку откидывают вместе с хорватом.

– Пожалуйста, смотрите! – отходит на пару шагов старый моряк, прикрывая спиной съемную панель. Сердце его громко стучит, руки не находят места. Однако вида он не показывает, стараясь держаться независимо, буднично.

Кто-то из хорватской команды направляется к открытому люку. Но пятидесятилетний мужчина с цепким взглядом зеленоватых глаз останавливает подчиненного и сам приседает на колено у округлой дыры.

Однако внутри ничего не видно – слишком темно. Хорват берет у коллеги мощный фонарь и сует голову в амбразуру...

«Эх, так бы взял и прищелкнул тебя этой крышкой! Чтоб враз твою шею перебило, а любопытная голова вниз булькнула. Щас все одно визг подымет на весь корабль. Гад...» – тоскливо думает Егор Иваныч. Он следит за реакцией дотошного хорвата и все сильнее сжимает ладонью рукоятку длинной отвертки.

* * *

Море спокойно. Судно стоит на траверзе острова Ластово и едва покачивается на низкой волне. Слава богу, что нет большой качки, иначе нам с Хеленой пришлось бы туговато.

Около получаса мы болтаемся с ней на поверхности пресной водицы под самым потолком цистерны. По-хорошему следовало бы сразу надеть маски, открыть баллоны и спрятаться поближе ко дну огромной емкости, но запас дыхательной смеси невелик, и мне приходится рисковать, оттягивая момент погружения.

Это закон, написанный кровью. В обычном спецназе, воюющем на суше, принято брать на боевые операции как можно больше боеприпасов. Воды, жрачки и медикаментов – по минимуму, чтоб не сдохнуть, а боеприпасов столько, сколько унесешь в ранце и в карманах разгрузочного жилета. В подводном спецназе такое же отношение к дыхательной смеси. Остается в баллонах смесь – ты дышишь, живешь, выполняешь боевую задачу и даже рассчитываешь вернуться на поверхность. Падает давление – вместе со смесью исчезают надежды на все остальное.

В воде отлично распространяются звуковые волны. Настолько отлично, что порой невозможно определить направление на источник – звук словно атакует твой слуховой аппарат ото-всюду, со всех сторон.

Это я к тому, что минут через сорок пребывания внутри цистерны мне приходит в голову неплохая идея. Попросив Хелену не шуметь и набирая в легкие воздух, я периодически погружаюсь под воду и прислушиваюсь к происходящему на нижней судовой палубе.

Всплывая, каждый раз натываюсь на вопросительный взгляд девушки.

Успокаиваю:

– Пока тихо. Только далекий гул работающей машины...

И вот на исходе первого часа до слуха доносится отчетливая дробь шагов. Сомнений нет: несколько человек спускаются по трапу, ведущему в трюмный коридор.

Черт бы побрал этих погранцов! Во мне до последней секунды жила надежда на то, что они ограничатся досмотром жилых палуб. Увы, придется прятаться.

Помогаю девушке приспособить на голове маску. Подав из баллонов ребризера воздушную смесь, спрашиваю:

– Как ты?

Она кивает: нормально.

– Давай вниз и в сторону – подальше от люков.

Хелена послушно исчезает под водой...

Я выполняю те же действия со своим снаряжением, а перед тем как нырнуть, проверяю, не увидят ли нас хорваты сквозь толщу пресной воды, решив заглянуть внутрь танка. Перемещаюсь под люк, направляю луч фонаря вниз и... досадливо морщусь, потому что с легкостью нахожу миниатюрную фигурку подружки по несчастью.

– Это плохо, – шепчу, направляясь вниз.

Луч беспорядочно шарит по огромному пространству. Огромному и бесполезному – спрятаться тут негде.

Звук шагов становится все отчетливее и громче – люди приближаются ко входу в отсек.

Взгляд натывается на единственный предмет, слегка разбавляющий однообразную картину металлического чрева – трубу укороченного торпедного аппарата, пониженного на «Sea Dream» до статуса обыкновенного шлюза. Его крышка, управляемая дистанционно из секретной ниши отсека, естественно, запечатана. Подплываю, осматриваю и на всякий случай дергаю за проушину, к которой прикреплен уходящий в стену рычаг.

Обнаруживаю небольшой люфт, свидетельствующий о том, что герметичной является только внешняя крышка, находящаяся в носовом подруливающем устройстве. Люфт имеется, однако совладать с круглой железкой не получается из-за упирающегося в нее рычага. Вот если бы вытащить болт, соединяющий проушину с рычагом!

Пытаюсь сделать это рукой. Не выходит.

Выхватываю нож и лихорадочно постукиваю рукояткой по краям гайки.

– Давай! Давай!..

Шаги идущих по коридору людей стихают. Ушли? Или остановились?..

Я этого не знаю и продолжаю попытки стронуть с места проклятую гайку. Внезапно по ушам буквально бьет хруст замкового механизма и громкий скрип дверных петель. Эти звуки мне хорошо знакомы. Опять гремят по металлу тяжелые шаги и даже слышатся обрывки разговора.

Моментально прекращаю стучать, прячу нож. На всякий случай пробую повернуть гайку и, к своему изумлению, обнаруживаю, что она поддается.

Покончив с ней, осторожно вынимаю болт, оттягиваю в сторону мешавший рычаг.

Есть! Круглая массивная крышка легко отъезжает в сторону, открывая передо мной темное жерло шлюза.

Несколько секунд уходит на то, чтобы доплыть до забившейся в угол девчонки, схватить ее за шиворот и запихнуть в аппарат. Лезу следом. И под звук отвинчивающихся запоров одного из верхних люков закрываю за собой крышку и выключаю фонарь.

В шлюзе холодно, тихо, темно.

Нет, я решительно ненавижу процедуру выхода наружу через торпедные аппараты! И не только выход, но и такое дурацкое времяпровождение, коим вынужденно занимаюсь сейчас. Лежишь на спине внутри жутко тесной трубы, похожей на холодную темную могилку, и считаешь минуты до обретения свободы.

Но я-то ладно. Я – мужчина и давно привычен к этим неудобствам. А вот выдержит ли девчонка?..

Глава 6

Босния и Герцеговина; город Бихач

10 августа

– Мы вас заждались. Шесть часов тут околачиваемся, – приглушенно говорит майор, словно человек, за которым они охотятся, стоит в нескольких шагах.

Анчич выходит из машины, потирает затекшую спину, оглядывается по сторонам. В движениях неторопливая надменность, присущая хищнику, загнавшему жертву в ловушку.

– Где Хелена? – спрашивается он у майора, тоже бывшего, как и сам Анчич.

– Дом, где она проводит время с Матичем, – в квартале отсюда.

– Машину нашли?

– Нет. Обшарили все в радиусе трех кварталов – как сквозь землю провалилась.

– Опиши дом.

– Двухэтажный, фасад из белого камня. В каждом этаже по две квартиры, на задах небольшой дворик.

– У дома кто-нибудь дежурит из твоих людей?

– Двое наблюдают, но близко подходить я запретил – побоялся спугнуть.

– Правильно. Сколько у «объекта» телохранителей?

– По-моему, в салоне было три человека: Матич, ваша дочь и водитель. Думаю, телохранитель остался при машине. Чего ему торчать возле широкой кровати?

– Оставь подробности при себе. И готовь людей к штурму...

Майор с двумя отставными офицерами из Беловарского корпуса выследил Хелену и осторожно вел от границы Хорватии. Прибыв в Бихач и установив местонахождение «объекта» с точностью до дома, он тотчас сообщил об этом Анчичу и попросил прислать подкрепление. Анчич примчался на двух машинах сам, прихватив с собой пятерых преданных людей. Этих сил, как он посчитал, будет достаточно для молниеносной операции захвата.

В багажнике принадлежащего ему автомобиля всегда имелось оружие: огромная сумка с парой автоматических винтовок, парой гранат, пятью пистолетами и большим количеством боеприпасов. Помимо оружия, имелся в сумке и аппарат спутниковой связи, несколько радиостанций и многие другие вещицы, необходимые в непростой деятельности истребителя сербской народности. Анте считался на родине национальным героем – после ареста Гаагским трибуналом хорватские музыканты написали и исполнили в его честь несколько песен. Потому с содержимым багажника, равно как и с хорватской полицией, проблем никогда не возникало.

При социализме его семья жила на острове в бедном рыбацком поселке. Когда Анте исполнилось четыре года, мать погибла от взрыва мины, оставшейся со времен Второй мировой войны. До шестнадцати он пробовал вписаться в марксистскую теорию развития общества, но ничего из этой затеи не вышло. Устав вместе с отцом считать каждую заработанную монету, юноша сбежал во Францию...

За три года пришлось пережить многое. Он нанимался за гроши грузчиком и чернорабочим, голодал, ночевал под мостами, загибался в бесплатных больницах и выпрашивал обеды в социальных приютах. А в восемнадцать вдруг крупно повезло: один из приятелей посоветовал поступить на службу во Французский иностранный легион.

«Почему бы нет? – подумал Анте. – Что я потеряю на военной службе, кроме права сдохнуть в нищете?..»

Он был высок, широкоплеч, на здоровье не жаловался, потому без проволочек попал в штат Воздушно-десантного иностранного полка под псевдонимом Андре Боровиц. В Леги-

оне по старой традиции у всех были французские псевдонимы независимо от национальности. Затем последовала изнурительная подготовка в секретном центре близ городка По и перевод в спецназ Легиона – так называемый GCP.

Жизнь изрядно помотала новоиспеченного Боровица: военные операции в Джибути и Заире, секретные миссии в Кот-д'Ивуаре и Конго. Воевал он храбро, за что неплохо продвигался по службе и частенько премировался немалыми суммами от командования Легиона.

* * *

Полноценным штурмом эту скромную операцию Анте назвать бы не решился. Что это за штурм, если в атаке участвует восемь бойцов, не считая самого Анчича? Вот в августе 1995-го действительно были штурмы, когда силами до трех батальонов окружали несколько городских кварталов или деревню и планомерно уничтожали сербское население. Вот это были операции!

Они подбираются вплотную к нужному дому и оцепляют его с двух сторон. Третья сторона соприкасается с соседней постройкой, а четвертая выходит во двор, отгороженный от улицы высоким забором. Возле него майор по приказу Анчича выставляет человека.

– Запомните: Марко Матича нужно взять живым, – повторяет Анте, прислонившись спиной к белокаменной стене. – Разрешаю стрелять по ногам, но не более. Ясно?

Бывшие офицеры Беловарского корпуса дружно кивают:

– Ясно!

– Вперед, господа!

Двое подбегают к двери, распахивают ее и... падают после нескольких выстрелов, раздавшихся за спиной.

– Вон он! В доме через дорогу! – кричит майор.

Взяв одного из офицеров, он бежит к крыльцу. Анте с двумя другими мужчинами проникает в дом, где скрывается с любовником его дочь.

Анте Анчич организовал слежку за своей дочерью с момента приземления самолета компании «Air France» в парижском аэропорту имени Шарля де Голля. Опытные, годами проверенные агенты докладывали о каждом ее шаге на протяжении дальнейшего пути от столицы Франции до Загреба.

Свою старшую дочь Анте любил, но не настолько, чтобы одаривать пристальным, если не сказать навязчивым, вниманием. На самом деле все было проще: с помощью Хелены он рассчитывал выйти на след одного из самых перспективных политических противников – серба Марко Матича.

О близких отношениях дочери со своим врагом он узнал под конец ее прошлогоднего пребывания в Хорватии. Узнав, пришел в неистовую ярость, однако быстро осознал выгоду положения. Пригасив эмоции, тепло расстался с Хеленой, заручившись согласием непременно приехать в Европу летом следующего года.

– Что ж, мы не гордые – подождем, – усмехнулся Анте, провожая взглядом взмывший в небо самолет. – Мои люди терпеливы и к засадам привычны...

Итак, с той секунды, когда девушка ступила на Европейский континент, Анчич знал о каждом ее телодвижении. Знал и о намерении встретиться с возлюбленным где-то на территории соседней Боснии.

* * *

Внезапного штурма не получилось. Майор надежен, да не слишком опытен в вопросах слежки: оказывается, вместе с Матичем в Бихач пожаловало двое телохранителей, а вовсе не

один, сидевший за рулем автомобиля. Второй, которого майор откровенно прощелкал, занял хорошую позицию в подъезде дома напротив и, выбрав удобный момент, открыл прицельный огонь. Двоих положил сразу, третьего ранил минутой позже. И отстреливался до последнего, пока его самого не наспиговали пулями из винтовки.

Увы, вторая группа тоже облажалась: взбежав на лестничный пролет, офицеры попали под плотный обстрел: три пушечных пули Матич всадил в лидера и отбросил наступавших вниз. Это дало ему десяток лишних секунд.

Ну, а потом Матича с Хеленой потеряли. Сиганув во внутренний двор, они перелезли через низкий каменный забор и ушли в неизвестном направлении. Пришлось Анчичу снова включать аналитическое мышление.

Отсюда в разные стороны ведут три дороги, но лишь одна из них соединяет Бихач с городом Баня-Лука – столицей Республики Сербской Краины, входящей в состав Боснии и Герцеговины.

– Он наверняка поедет туда, – на ходу рассматривает карту Анчич. – Майор, вы поедете здесь, а я – по этой дороге...

На выезде из Бихача одна машина с людьми майора резко ныряет влево – на трассу вдоль реки. Второй автомобиль несется в том же направлении, но держится правее – сквозь лес, крохотные деревушки и многочисленные поля.

Умение мыслить логически не раз спасало Анчича. Спасло и теперь – через четверть часа сумасшедшей гонки далеко впереди он различает столб пыли от быстро едущего по проселку автомобиля. Это определенно машина Матича.

– Хвала Господу! – бормочет бывший генерал. – Я знал, что они поедут в Баня-Лука...

Затем пыльное облако многократно увеличивается в размерах.

Подъезжая к нему, Анте видит выплывающий навстречу вместительный черный внедорожник Toyota Land Cruiser. Он едет мимо с солидной неторопливостью, потому особенного внимания не привлекает; в салоне о чем-то весело болтают два парня.

Анте до рези в глазах вглядывается вперед – туда, где исчезла небольшая и юркая машина Матича...

«Фиат» лежал на обочине засеянного высокой кукурузой поля.

– Проверь! – кричит Анчич сидящему рядом с водителем офицеру. Сам же связывается с майором и приказывает прибыть к этому месту.

– Там тело мертвого водителя и больше никого, – вернувшись, докладывает офицер.

Бывший генерал сам идет к «Фиату» и осматривает его, пока к месту катастрофы не подъезжает майор.

– Забирай оставшихся людей и отправляйся в сторону Баня-Лука, – достает сигареты Анте.

– А вы?

– Я поеду за теми парнями, что встретились нам пять минут назад.

– Один?

– Шансов на то, что моя дочь с Матичем поехали нам навстречу, раз в пять меньше.

Поэтому я еду один. А вас пятеро...

Что произошло с «Фиатом», Анчич мог лишь догадываться. Реальное нападение или инсценировка – сейчас важно не это. Важно понять, в каком направлении вести преследование.

Конечно же, он кривил душой, говоря о шансах. Поставив себя на место Матича, с неожиданной очевидностью подумал: «Я бы точно рванул навстречу...»

Глава 7

Босния и Герцеговина; Баня-Лука

10 августа

Марко очнулся через час. Голова раскалывается, разбитый нос изрядно распух. Скривившись от стучавшей в затылке боли, он смотрит по сторонам.

Город. Салон дорогого автомобиля, припаркованного у тротуара бойкой улицы. Рядом за рулем сидит незнакомец – с безучастным, скушающим видом читает газету. Лет сорок пять, средней комплекции, с оттопыренными пухлыми губами, с реденькой кучерявой шевелюрой и отчаянно похожий на еврея.

– Кто вы? – сипит не своим голосом молодой человек.

Встрепенувшись, еврей бросает на заднее сиденье газету и с сильным акцентом произносит:

– Вы наконец очнулись? Прекрасно. Как вы себя чувствуете?

Марко садится поудобнее, ощупывает лицо и повторяет:

– Кто вы? Где я? И что случилось?..

– Начнем по порядку. Я – дипломат, по совместительству представляю на Балканах спецслужбу одной из дружественных вам стран.

– Дипломат? Спецслужба? – настораживается Матич.

– Вам не стоит волноваться! – Хозяин авто подает платок. – Посудите сами: мои агенты привезли вас в безопасный город Баня-Лука и пересадили в мой автомобиль с дипломатическими номерами; я битый час сижу и жду, когда вы очнетесь... Разве это соответствует поведению ваших врагов?

– Пожалуй, нет. Значит, мы в Баня-Луке? – оттирая с лица засохшую кровь, глядит молодой мужчина сквозь лобовое стекло. – Верно, узнаю... А что же произошло? И где моя девушка? Где Хелена?!

– Спокойно, Марко. Теперь о том, что случилось. Мои люди, сотрудничая с Интерполом, несколько недель пытались выследить бежавшего от международного правосудия негодяя по имени Анте Анчич.

– Знакомая личность! – сверкает сердитым взглядом серб.

– Так вот, через некоторое время мы выяснили, что он, в свою очередь, следит за собственной дочерью – Хеленой Анчич.

– Ах вот в чем дело! Он использовал свою дочь в качестве подсадной утки. Так?

– Примерно так. Его люди вычислили вас в Бихаче и незамедлительно вызвали генерала. Он мчался туда, словно за крупным выигрышем в лотерею... Одним словом, мои сотрудники подоспели в последний момент и сумели отбить вас.

– А девушка? Что с ней?

– Хелену мы спасти не успели.

– Как?! Неужели?..

– Успокойтесь. Я, видимо, не так выразился. Хелена жива, но осталась с людьми бывшего хорватского генерала.

Молодой человек откидывает голову назад, прикрывает глаза и сидит неподвижно несколько долгих минут. Похожий на еврея губастый мужчина его не тревожит...

Наконец, очнувшись, Матич роняет:

– Теперь он запрячет ее так, что мы больше никогда не увидимся.

– Знаете, дорогой Марко, на свете не так уж много укромных мест, – таинственно усмехается дипломат. – Даже матерый хищник Анте Анчич не способен спрятать человека так, чтобы его не смогла отыскать хорошая разведка.

– Разведка? Вы хотите сказать...

– Я уже все сказал. А вы думайте, Марко.

– Но... я сейчас не очень хорошо соображаю. Извините.

Дипломат смеется:

– При капитализме вся справедливость в деньгах, дружище. В деньгах! Это понятно?

– Понятно. Но я, к сожалению, небогат. Сколько вы хотите за спасение Хелены?

– Я?! Побойтесь бога! – картинно изумляется мужчина. – Деньги понадобятся на подкуп людей Анчича и некоторых должностных лиц, на переезды, на командировочные расходы моих агентов, на оружие, снаряжение. И поверьте, я соглашаюсь помочь вам лишь потому, что направления наших общих усилий совпадают.

Кусая губы, серб напряженно размышляет...

Он казначей правительства в изгнании. Он ведает всеми денежными потоками, от которых подпитываются сотни тысяч семей несчастных сербов, в одночасье лишившихся родины. Потоки невелики, но благодаря различным фондам, банкам, движениям и меценатам – имеются. Что, если одолжить небольшую сумму, а потом потихоньку отдавать?.. Он же не вор. Он же не украдет их.

– Сколько? – повторяет серб.

– А вы точно решили спасти девушку?

– Да. Сколько?

– Точную цифру я сообщу позже.

– Позже? А как мне вас найти?

– Слушайте и запоминайте. Первое: никто не должен знать о нашем разговоре – от этого зависит жизнь Хелены. Второе: вам необходимо вернуться в Белград и сделать вид, будто ничего не произошло. И третье: вот вам ключ от сейфовой ячейки в Белградском строительном банке. Связь исключительно через нее.

– Я все понял. Когда я должен явиться в банк?

– Двенадцатого августа. Ровно за один час до закрытия.

Часть II

Лайнер «SEA DREAM»

Глава 1

Адриатическое море – Ионическое море

11–12 августа

– Знаешь, когда главный хорват заглянул внутрь танка и стал шарить лучом по всем углам, я потащил из кармана отвертку, – качает головой Иваныч.

– Неужто пошел бы в рукопашную?

Он допивает коньяк и пожимает плечами:

– Сейчас-то все по-другому видится. А тогда, мож, и пошел бы...

Мы сидим в каюте старшего механика. На столе – полбутылки хорошего коньяка, бутерброды с копченой колбаской, шпроты и апельсиновый сок. Каюта одноместная, весьма удобная и комфортабельная. Как ни крути, а старший механик на судне – величина.

За прямоугольным иллюминатором быстро сгущаются сумерки. Свободные от вахты члены экипажа отдыхают в каютах; пассажиры веселятся и проводят время в ночном клубе, двух уютных ресторанах, трех барах, кинозале и музыкальном салоне большого круизного судна.

Егор Иваныч подливает в рюмки.

– И как ты сообразил спрятаться в шлюз-то? До сих пор удивляюсь. И руки до сих пор трясутся – ей-богу! Думал, шас открою, а там – здрасьте вам!..

– Сообразишь тут, когда тяжелые берцы над головой каблучищами стучат. Еле гайку успел отвернуть. Надо было сразу туда лезть.

– Дык никто ж не ожидал от погранцов такого шмона! Горский мрачнее тучи по судну ходит. Связывался по спутнику с пароходством, жаловался.

– А что они?

– Приказали обстоятельную докладную составить. Будут через МИД разбираться.

Мы поднимаем рюмки и пьем за успех операции.

– А что было потом? – цепляю вилкой шпротину.

– В смысле?

– После проверки цистерны они сразу свалили?

– Не-е. Еще с полчаса по судну шныряли. А главный (ох и умная сволочь, я тебе скажу!) повелел открыть для осмотра цистерну с чистой питьевой водой.

– И осмотрел?

– А то! Сам лично воткнул башку в люк и осветил фонариком все углы...

Так за неспешным разговором мы допиваем остатки коньяка и прощаемся. Хочу лечь пораньше, ввиду того что под утро заступать на вахту. Да и девчонку следует отпоить горячим чайком – с непривычки она здорово промерзла в воде. После часового купания в цистерне мне пришлось тащить ее до каюты на руках. В каюте она сразу заперлась в туалете и долго освобождала желудок, потом упала на постель. Когда я уходил – спала мертвецким сном...

Спустившись на нижнюю жилую палубу, подхожу к каюте, сую в замочную скважину ключ, и... дверь оказывается незапертой.

– Что за черт?! – обрывается сердце. – Точно помню: запирал замок!..

Захожу в свое жилище. Пусто. На кровати, где спала Хелена, лежит скомканное одеяло.

Быстро осматриваюсь, заглядываю в шкафы. И выбегаю в коридор...

* * *

Сказать, что она замерзла, – не сказать ничего.

Русский здоровяк, назвавшийся Евгением, помогал выбраться из огромной емкости, а Хелену покачивало от слабости и трясло от холода. Сделав же десяток шагов, она едва не упала – в глазах потемнело, стало трудно дышать...

Окончательно она очнулась в знакомой каюте на постели, заботливо укрытая теплым одеялом. Долго лежала, разглядывая забавный фотопортрет высунувшего язык Эйнштейна. Согревалась и ворошила накатившие воспоминания...

Вначале мысли лениво перенеслись в самое счастливое время.

В пятнадцать лет юную девушку не занимали послевоенные проблемы раздела политической карты поверженной Югославии. Нередко она вообще забывала название этой страны и беззаботно порхала через Атлантику: то в Южную Америку, когда у матери выдавалась интересная командировка или несколько дней спокойного отдыха на побережье; то к отцу в Европу, если у того вырисовывалась неделька-другая мирной жизни. Затем свои коррективы внесла учеба на факультете права Колумбийского национального университета в Боготе. В связи с загруженностью Хелена стала реже летать через океан, зато живой и пылкий ум породил один вопрос за другим. Что же на самом деле произошло на родине отца? Что за человек – Анте Анчич? Что исповедует и какие идеалы защищает? И почему о нем ходят самые противоречивые слухи: о криминальном прошлом, об убийстве ооновских миротворцев, о преступных приказах расстреливать мирных жителей Сербской Краины, о международном розыске и об аресте Гаагским трибуналом...

Вопросов было невероятно много, а отвечал на них бывший генерал-лейтенант и начальник Инспектората вооруженных сил Хорватии невнятно и с неохотой. А пару лет назад в жизни Хелены появился молодой серб Марко Матич – смелый и целеустремленный молодой мужчина. Общаясь с ним, она почувствовала необыкновенную легкость и услышала удивительно простые ответы на большинство из своих вопросов.

* * *

Битый час бродим с Егором Ивановичем по судну в поисках сбежавшей девчонки. Понятно, что она прячется на «Sea Dream» – вокруг море с пугающей мглой южной ночи и ни одного огонька на полсотни верст. Вряд ли найдется желающий добровольно сигануть за борт – даже среди тех, кто умеет отлично плавать.

– От зараза! – приглушенно ругается мой пожилой напарник. – Ты ж говорил, она успокоилась, поумнела!

– Только по поводу «успокоилась». Про ум я ничего не говорил...

В людные места девчонка наверняка не сунется – видок у нее еще тот: мятая простенькая одежонка и мужские резиновые тапочки, сидящие на миниатюрных стопах подобно ластам. Это большой плюс, сужающий зону поиска и отчасти облегчающий нашу задачу. Однако имеется и огромный минус – нас всего двое.

Проверив за час две палубы, находим в одном из шкафчиков с уборочным инвентарем резиновые тапочки, щедро пожертвованные мной Хелене. Это уже кое-что.

Решаем повысить эффективность поисков. Разделяемся. Иваныч отправляется прочесывать судно с кормы – от машинного отделения; я иду на бак. Через час встречаемся в центре судна – под ночным клубом. Безрезультатно. Ищем дальше...

По судовым низам мы проползали почти всю ночь – вплоть до моего заступления на вахту.

– Ладно, иди в машину и не кручинься, – хлопает по плечу Иваныч. – Никуды она не денется. Ну, а захочет пошуметь-поскандалить – так, опять же, доставят к капитану. А Горский в курсе твоего положения.

В принципе стармех прав: прыгать за борт Хелена не отважится, а поиски можно продолжить и позже.

* * *

После относительно безмятежных воспоминаний о юности она мысленно переносится в настоящее время.

Казалось бы, столь щепетильное положение не имеет шансов на долгие и крепкие отношения. Он – один из лидеров сопротивления Республики Сербская Краина, она – дочь хорватского генерала, руководившего разгромом этой республики. Ан нет – знакомство крепнет, дружба перерастает в любовь.

Хелена сбрасывает одеяло, садится. Мечтательно глядя на багровый закат, улыбается... Но вскоре улыбка сходит с лица – она обводит убогое убранство простенькой каюты осмысленным взглядом. Почему она здесь? И с чего начался этот кошмар?

Девушка восстанавливает в памяти последние дни. Встреча с Марко на границе Хорватии и Боснии, поездка на автомобиле с боснийскими номерными знаками и глухой тонировкой стекол. Наконец, страстная ночь в крохотной квартирке двухэтажного каменного дома на окраине скромного Бихача. Стрельба, погоня и авария произойдут позже – солнечным утром. А что же случилось до того?

До Загреба был довольно долгий и утомительный путь, начавшийся в Боготе, из которой она вылетела рейсом компании «Air France». Самолет приземлился в парижском международном аэропорту имени Шарля де Голля. Затем последовали короткий (в сравнении с трансатлантическим) перелет в Италию и тихая ночь в миланском отеле. Ранним утром ее разбудил телефонный звонок и радостный голос Марко, предлагавший увидеться через трое суток на хорватско-боснийской границе. Все это, включая замечательную поездку через север Италии и Словению, она помнила смутно, ибо пребывала в легкой прострации, предвкушая скорую встречу с любимым.

Стоп! Ей же множество раз за поездку по Европе пришлось ловить на себе осторожные взгляды незнакомых мужчин. Повышенное внимание льстило – она молода, красива, обладает отменной фигуркой и гладкой кожей с ровным бронзовым загаром. Но было ли это простым любопытством голодных самцов?

Первый такой взгляд по-над раскрытой газетой Хелена заметила в северо-восточном предместье Парижа. А потом началось настоящее преследование: от парижского аэропорта до самого Загреба она смущенно отворачивалась, подмечая внимательное изучение со стороны представителей сильного пола. Что это было – плоды ее воображения или за ней действительно пристально наблюдали?

Она поделилась своими опасениями с отцом, а тот лишь посмеялся. Она вознамерилась рассказать о сомнениях Марко, но не успела. Или не захотела показаться трусихой... А зря, ибо теперь отчетливо видит связь между той слежкой и похищением ее русскими спецслужбами.

– Да уж, друзья! – горько усмехается девушка, припомнив слова Евгения. – Так я тебе и поверила!

Встав с постели, она находит свои вещи. Одежда успела высохнуть, а вот с обувью беда: хозяин каюты выдал огромные мужские резиновые шлепанцы, совершенно не державшиеся на миниатюрных ступнях.

Одевшись, она допивает давно остывший сладкий чай, подходит к двери и осторожно тянет за ручку... Закрыто.

* * *

Отдежурив на вахте, иду в столовую экипажа. Башка гудит от недосыпа и усталости, настроение хреновое.

Основная масса членов команды успела позавтракать; за столиками просторного помещения столовой в общей сложности сидят человек десять-двенадцать. Проехав подносом по раздаче, присаживаюсь по соседству с молодыми стюардами в белоснежных рубашках. Парни допивают кофе, негромко переговариваются и никуда не спешат – видно, отработав смену, радуются восьми часам предстоящего отдыха.

Я же, напротив, торопливо поглощаю завтрак, обдумывая план по поиску сбежавшей «посылки». На ум ничего не приходит. Значит, вместо отдыха буду тупо бродить по палубам и коридорам...

Слух отключен. В фоновом режиме до моих ушей доносится какофония звуков: шаги, стук вилок о тарелки, льющаяся из крана вода на камбузе. И неразборчивая речь пополам со смешками.

Дожевав шницель с макаронами, трясую головой – возвращаюсь в реальность и приступаю к чаю. Вскоре ловлю себя на том, что прислушиваюсь к высокому мужскому голосу. Говорит один из стюардов, другие слушают и посмеиваются.

«Стюард» – громко сказано. На самом деле красивым словом британского происхождения именуется обычный рахитичный подросток с ершиком непослушных волос на голове. Голосок высок и слащав; глазки бегают, как у интенданта, осознавшего грешность своего земного бытия; юношеский румянец алеет на прыщавых щеках, пухлые пальцы с мозолями от ночных мастурбаций нежно сжимают пустую кофейную чашку.

Признаюсь: ни голос, ни его обладатель симпатий во мне не вызывают. Зато интригует смысл сказанного:

– ...На моей палубе в триста двадцать третьей каюте такая красотка живет – закачаешься! – доверительно повествует он, ослабив щербатый рот в коронной улыбке «олигофрен в засаде». – Я даже пару раз прибраться заходил в неурочное время.

– А она? – азартно интересуются товарищи.

– Она встречается с женатым мужиком из триста девятой...

– Ого! Вот сука! А смуглая, говоришь, сама приперлась?

– Сама – вот те крест! – дважды осеняет себя крестом пухлый подросток.

– Ты выяснил, кто она, с какой каюты?

– Не успел. Она ввалилась, что-то тараторила с диким акцентом. Растрепанная, босая... Я налил водки – она выпила и вырубилась. Проснется – выясню.

– Смотри, не нарвись. Горский узнает – в два счета спишет на берег...

Последние фразы вынудили меня допить чай и осторожно повернуть голову в сторону соседнего столика. Дабы получше запомнить внешность оратора.

* * *

В одном из ящиков письменного стола отыскалась нужная вещица – небольшие ножницы. Развинтив две половинки, Хелена просовывает одну в замочную скважину, присаживается рядом на корточки и принимается ковырять внутренности механизма. Она делает это так усердно, словно знакома с искусством взлома.

Попытки с тридцатой или сороковой удача поворачивается лицом: в замке что-то хрустит, видимый сквозь щель между дверью и косяком язычок исчезает. Приоткрыв дверь, девушка выглядывает в коридор. Прислушивается...

Никого.

Огромные тапочки не позволяют быстро и бесшумно перемещаться по коридору. Да и видок у нее из-за них глуповатый. Уж лучше босиком. А вот и подходящая дверца, за которой их можно оставить.

Куда же теперь? Куда?!

Да, босиком гораздо лучше. Коридор приводит к трапу, а тот – к развилке. Она поворачивает к выходу на открытую палубу и натывается на пугающую черноту вокруг освещенных палуб корабля. О боже! Хелена так обрадовалась внезапной свободе, что не подумала о времени, счет которому совершенно потеряла.

Итак, снаружи ночь и мечтать о побеге с «Sea Dream» – бесполезное занятие. Не так уж хорошо она плавает, чтобы помышлять о подобных подвигах. Вот если бы сейчас светило солнце, а на горизонте виднелся берег!..

Что же делать? Вернуться в каюту русского здоровяка Евгения? Нет уж. Лучше поискать укромное местечко и до поры спрятаться. Должно же найтись на огромном судне такое местечко!..

На нижних палубах слишком пустынно, сумрачно и жутковато. Она решает подняться выше – туда, откуда доносится музыка. Снова трап, коридоры, развилки... Наконец, девушка попадает на первую пассажирскую палубу. Бог знает, сколько здесь кают и какого они класса, но в коридоре то и дело маячат фигуры пестро одетых людей. Это определенно пассажиры круизного судна.

Хелена крадется по коридору и наблюдает за выходящей из каюты большой компанией отдыхающих. Народец поет песни, шумит, пританцовывает и перемещается крайне неуверенной походкой. А последний – самый пьяненький – прикрывает за собой дверь, забыв запирать ее на ключ.

«Впрочем, – крадется девушка вдоль стены, – в каюте запросто могут оставаться люди. Или русские слишком много пьют, чтобы заботиться о сохранности своих вещей...»

Дверь не заперта, а из каюты не доносится ни звука. Она мягко берется за ручку, поворачивает ее, делает шаг и... вдруг слышит кашель внутри каюты. Но это полбеды. Боковым зрением она замечает две фигуры, появившиеся в конце коридора. Это Евгений с пожилым приятелем, помогавшим входить и выходить из цистерны с водой.

Выбора нет. Она бросается назад – к трапу, не оглядываясь, сбегает вниз по ступенькам. Успели ее заметить? Если да, то она пропала.

Ниже Хелена спускаться не желает – где-то там находится опостылевшая двухместная каюта, из которой только что удалось улизнуть. Она бежит по незнакомому коридору. Его стены темнее, чем на пассажирских палубах, освещение и убранство скромнее...

Добежав до середины, резко останавливается. Глаза округляются от ужаса, пальцы сжимаются в кулаки. Впереди – на другом конце длинного коридора находится другой трап, и по его ступеням с неторопливой уверенностью спускается мужчина, похожий на Евгения.

Она отступает, руки беспорядочно шарят по стене... Господи, неужели из этого дерьма не отыщется выход?!

И выход отыскан. Стена, к которой девушка прижималась спиной, вдруг уходит назад; кто-то хватает ее за руку и резко дергает. Хелена от неожиданности вскрикивает, и в ту же секунду чья-то ладонь зажимает ей рот.

* * *

Каюта пухленького стюарда расположена на палубу выше моего двухместного жилища. Здесь поярче освещение, коридорная кишка не делает резких поворотов и нет глухих тупичков.

Выследив этого урода, приступаю к операции, разработанной с Иванычем за несколько минут. Суть ее проста: действовать без крови, а самое главное – без шума.

После завтрака в столовой экипажа прошло не более четверти часа. Подходим с Егором Ивановичем к каюте. Я прячусь сбоку, он становится точно против двери, стучит.

Тишина.

Стармех вопросительно глядит на меня.

«Давай-давай, – показываю жестаами, – он точно здесь».

Иваныч повторяет стук.

За дверь слышится шорох, но открывать хозяин не спешит.

– Немедленно откройте каюту, – требовательно дергает за ручку Иваныч, – или я прикажу взломать дверь!

Щелкает замок, и дверь медленно распахивается. В проеме появляется помятая рожа стюарда.

– Я вас слушаю.

– Это я тебя слушаю, большеголовый задрот! – толкаю его внутрь и спрашиваю прокурорским тоном: – Где девчонка?

Заикаясь, он что-то лепечет. Чует, мышка, что попалась.

Бегло осматриваю служебную двухместную каюту. Странно, но Хелены нет.

– Где девчонка? – хватаю его за грудки.

– Не понимаю, – тарачит глаза стюард и отупело мотает головой, на всякий случай по всем осям. – О ком вы?..

За наглое вранье ему тут же прилетает в репу. Несильно, но поучительно.

– Вот она! – доносится из-за спины голос Егора Ивановича. – Ну, здравствуй, сердешная! И не тесно тебе тут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.